

Блокада без купюр: власть в осажденном городе

8 сентября 1941-го замкнулось кольцо блокады вокруг Ленинграда, продолжавшейся 872 дня. Героический город выстоял. Какой ценой досталась эта нелегкая победа, написано немало. Но о том, как действовали руководители Ленинграда в те трагические дни, — не

так уж и много. Сейчас историки восполняют этот пробел. Рассказывает кандидат исторических наук, руководитель лаборатории «История блокады Ленинграда» СПб ИИ РАН Кирилл БОЛДОВСКИЙ.

Жданов и Кузнецов

— В блокаду городом руководили три организации — Военный совет Ленинградского фронта, бюро горкома партии (ЛГК) и Ленгорисполком. А текущие и срочные вопросы решали «узкие» комиссии, созданные для предварительного обсуждения. Однако вскоре решения этих «руководящих пятёрок» стали приниматься на ЛГК уже без каких-либо поправок.

Повседневной жизнью города фактически управлял второй секретарь ЛГК Алексей Кузнецов. Это видно и по документам. Так, из 145 постановлений бюро ЛГК, принятых с 6 сентября по 31 октября 1941-го, Жданов подписал всего четыре. Так продолжалось и дальше.

Алексей
Кузнецов

Андрей
Жданов

Известен и такой факт: после войны на праздничном банкете к Жданову и Кузнецову подошел секретарь райкома Алексей Григорьев и сказал: «Мы вас уважаем, Андрей Александрович, но все-таки в блокаду мы больше работали с Алексеем Александровичем». Жданов промолчал...

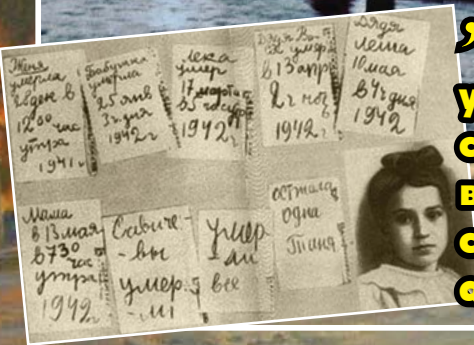
Впрочем, с Кузнецовым они не конфликтовали даже несмотря на то, что Сталин рас-

считывал его как преемника Жданова. Так, в конце августа — начале сентября 1941-го у Жданова, тяжело переживавшего трудную ситуацию, в которой оказался город, судя по всему, случился инфаркт. Он это скрывал, но его помощник пишет, что, видимо, так и было.

А в Ленинград как раз приехала комиссия государственного комитета по обороне (ГКО) и одновременно — еще и замнаркомом внутренних дел Меркулов, который должен был обсудить план взрыва объектов в городе на случай, если немцы смогут прорвать оборону (такой возможности не исключали)... Тогда-то Кузнецову и доставили личную записку Сталина. Мы знаем о ней из описаний очевидцев. Рукой вождя там было

„Проблему усугубляло отсутствие отопления, воды, электричества, транспорта, а также морозы...“

написано по поводу Жданова, что он потерял контроль и т. п., а потом такие слова: «Алеша, спасай город, Родина тебя не забудет». Впрочем, в 1949-м это не помешало арестовать Кузнецова по «Ленинградскому делу» и расстрелять. Рассказывают, что ту записку Кузнецов все время носил в нагрудном кармане и часто показывал ближайшим коллегам.

Миф. Мнение, что власти Ленинграда не докладывали Сталину всей правды о тяжелом положении блокадного города и приукрашивали действительность, Болдовский называет несостоятельным.

– Из документов следует обратное. Служебная информация, которая предоставлялась высшему руководству страны, особенно с декабря 1941-го, была абсолютно адекватна реальной ситуации. Данные, которые Жданов представил на совещании у Сталина 17 декабря 1941-го, без прикрас отображали тяжелейшую ситуацию, сложившуюся в городе и с продовольствием, и с энергетикой, и с мобилизационными резервами, и в других сферах.

«Скоро наши прорвут блокаду...»

– Сейчас легко судить и делать выводы, что именно руководители делали правильно, а что нет. Так, в первые месяцы блокады все силы были брошены на строительство оборонительных сооружений, эвакуацию, промышленность...

Никто ведь и предположить не мог, что блокада продлится 872 дня. Есть документальные подтверждения, что власти города, как и жители, были уверены: наши вот-вот прорвут кольцо. К примеру, постановление Ленинградского фронта от января 1942-го касается сугубо частных вопросов – куда и как переместить одну из пограничных частей для охраны тыла. И вдруг в документе – после снятия блокады переместить туда-то. И таких свидетельств много.

Однако первая, самая страшная блокадная зима показала, что осенью надо было делать акцент на создание системы доставки и распределения ресурсов. В декабре 1941-го, по подсчетам разных ведомств, муки в Ленинграде оставалось на четы-

Регулировщик и грузовики на «Дороге жизни» на Ладожском озере

ре-шесть дней. Число умерших жителей ужасает...

Власти занялись поддержкой людей. Но не все выходило гладко. В апреле 1942-го Кузнецов рассказал о возникших проблемах: «Никто нам пока еще членораздельно не сказал, что требуется для этих ослабевших людей, требуется ли сразу усиленное питание, или нет. Мы пробовали экспериментировать, но ничего не получилось: организм не переваривает пищи и человек умирает. <...> Это, в частности, очень беспокоит Андрея Александровича, он прямо бесится от того, что никто не предлагает, как поступить» (имя Жданова многие партработники нередко употребляли для усиления эффекта своих слов). К весне 1942-го врачи научились выхаживать истощенных людей.

Были инициативы и снизу. Так, в декабре 1941-го на заводах Кировского района рабочие предложили устраивать стационары для ослабевших, и уже в начале января 1942-го эта инициатива распространилась на весь город. Дело в том, что факторы, приводившие к смертности, были связаны не только с голодом. Проблему усугубляло отсутствие

отопления, воды, электричества, транспорта, а также морозы...

У нас есть хороший музей – «Невская застава». Его сотрудники по дневникам и воспоминаниям блокадников воссоздали маршруты горожан, как они ходили на работу. Представьте, ослабленный человек зимой пешком идет 15 км (!) в один конец. При этом в городе сугробы в человеческий рост, между ними – узенькая обледенелая тропинка, на которой двоим не разойтись...

Зимой – весной 1942-го начали активно налаживать каналы общения с большой землей. Вспомним «Дорогу жизни» по Ладожскому озеру. Можно ли было подумать о надежной связи с «материком» в начале осени 1941-го? Наверное, да, если бы власти сосредоточили на этом внимание...

Мало кто знает, по «Дороге жизни» не только доставляли все необходимое в город и вывозили оттуда людей, но в 1942-м на Ленинградский фронт привезли более 200 тысяч красноармейцев.

«Котловое питание»

– Часто обсуждают, жили ли руководители города во время блокады лучше обычных граждан. Конечно, лучше. Вопрос, насколько.

Продовольствие распределял Военный совет Ленинградского фронта: городу, районам области, фронту, Балтфлоту. Внутри каждого из этих субъектов существовали свои нормы. В армии – генеральский состав, старшие офицеры и т. д. Аналогично и в городе.

В Ленинграде было порядка 2500 сотрудников партаппарата

высшего и среднего звена. Снижение пайка хлеба на 5 граммов их тоже касалось. Однако минус 5 граммов из пайка иждивенца гораздо чувствительнее, чем из пайка партработника.

Существовало несколько разрядов продуктовых карточек: для рабочих, служащих, иждивенцев, детей. Были и специальные категории, например рабочие горячих цехов, которые получали больше...

Руководству города полагалось «котловое питание», то есть они получали обеды (иногда завтраки и ужины) в столовых. Так вот в их карточках иногда вырезали талоны за полученную еду, иногда – нет, и у их семей была

возможность получать продукты по неотрезанным талонам. Руководители кормились в основном в Смольном или в районах.

Точными сведениями об их рационе мы не располагаем, но есть устные свидетельства, что, например, в столовой в Смольном хлеб был ненормированным, а порции супов довольно большими – по 300–400 г.

У руководителей города были и карточки, как у служащих, а многие из них, как Кузнецов и Жданов, находились в то время на военной службе и получали довольствие согласно нормам командного состава Красной армии.

Такая система нормирования существовала до весны 1943-го. Потом по всей стране, в том числе и в блокадном Ленинграде, провели стандартизацию. Осталось три категории руководителей, и было четко приписано, кому какой дополнительный паек положен.

Неожиданный ракурс

– Нередко Кузнецов повторял, что на бюро ЛГК они «в своем кругу». И не все, что попадало в стенограмму, отражалось в протоколе. Иногда он неофициально доводил до бюро новые политические установки, например неожиданную для многих: «У нас имеется большое количество фактов, когда люди необоснованно привлекаются к уголовной ответственности. <...> У нас явный перегиб в городе с привлечением к административной

ответственности. <...> До чего доходит: работница получает 200 рублей зарплаты, ее штрафуют на 100–200 рублей. <...> Одно время у нас за что судили? Какой-нибудь старик расстроился, выругал потихоньку советскую власть, мы судим его, в тюрьму сажаем по статье 58-10. Может быть, его не судить надо, а взять и предупредить?»

Цензура

– Особая тема – цензура во время блокады. Идеологические работники Ленинграда следовали установке постараться свести к минимуму упоминания о материально-бытовых проблемах горожан и делать акцент на героической борьбе с фашистскими захватчиками.

Мой коллега Тимофей Юрьевич Толстиков провел исследование судьбы поэмы Зинаиды Шишовой «Блокада» (1942). С точки зрения работников отдела пропаганды и агитации Ленинградского горкома ВКП(б), в произведении были гиперболизированы проблемы населения, и поэму запретили печатать. А спустя полгода произведение напечатал ведущий литературный журнал страны – «Знамя». Правда, во многом благодаря участию возглавлявшего в то время Союз писателей СССР Александра Фадеева.

В поэме между тем без прикрас описаны условия жизни в блокадном городе:

*А в нашей шестикомнатной квартире
Жильцов осталось трое –
я да ты,*

*Да ветер, дующий
из темноты.
Нет, впрочем, ошибаюсь,
их четыре:*

*Четвертый, вынесенный
на балкон,
Неделю ожидает похорон.*

*....
Вода, которая совсем
не рядом,
Вода, отравленная трупным
ядом,
Ее необходимо кипятить...*

*....
Нас трое по дороге обогнало,
Два – в одеялах, а один
в гробу...*

В частности, эти строки ленинградские партработники посчитали преувеличением трудностей. Однако сегодня мы и по рассказам очевидцев, и по фильмам знаем, какой была реальная жизнь ленинградцев, особенно в первую блокадную зиму.

У нас имеется большое количество фактов, когда люди необоснованно привлекаются к уголовной ответственности

Кстати, о фильмах. В феврале 1942-го руководство Ленинградской парторганизации высказало идею снять фильм о героической борьбе города. Сценарий поручили написать известному писателю Всеволоду Вишневскому. Драматург воспринимал будущую кинокартину как «отчет народам СССР и миру об обороне Ленинграда», стремился отобразить в ней не только героизм солдат, офицеров и жителей, но и глубочайшую трагедию ленинградцев, особенно гуманитарную катастрофу «смертной зимы»...

Первоначальный вариант партийное руководство встретило в штыки. Так, Кузнецов сказал: «Получается чересчур много трудностей. Разваленный город, разбомбленный, захлащенный, кругом пожары, все покрыто льдом, снегом, люди едва движутся. А борьбы не показано. Оборона не показана».

Жданов тоже выказал недовольство: «В картине переборщен упадок. Вплоть до торчащих машин! Выходит, все рухнуло».

«Люди говорили, что голодаем, но живем надеждой на нашу победу. Правда заключается не в том, что люди жили, а в том, что они не теряли веру», – заключил он.

Поддержать авторитет

– После относительной стабилизации в городе в 1943-м стали отмечать и проблемы дисциплины руководителей. Приведу выдержки из стенограмм бюро ЛГК, слова Кузнецова: «В связи ли с тем, что трудности, которые переживал Ленинград, мы изжили, <...> то ли в связи с прорывом блокады, но я должен прямо сказать, что среди наших руководителей, и партийных, и хозяйственных, появилось стремление, как бы побыстрее перейти к мирному, довоенному образу жизни. <...> Мы имеем целый ряд фактов, говорящих о систематическом пьянстве, о бытовой распущенности, о сожительстве целого ряда руководящих работников <...>. Если про вас узнают трудящиеся, что вы пьянствуете систематически, сожительством занимаетесь, как вы думаете, не будет вас это порочить? Будет. Каленым железом выжигать эту распущенность, благодущие, все, что связано со стремлением мирно жить. <...> Нельзя забывать, что враг под Ленинградом, блокада не снята».

■ Елена Сковцова

ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Болдовский приводит данные управления наркомата юстиции по Ленинграду во время блокады.

ОБЩЕУГОЛОВНЫЕ ДЕЛА

1942 – на рассмотрение трибунала поступило **4569** дел, привлечен к уголовной ответственности **7001** человек.

1943 – **836** дел, **1683** обвиняемых.

За кражи, расхищение продуктов осудили

1942 – **1747** чел.

1943 – **615** чел. Наказание:

41 чел. – расстрел; **207** – **10** лет;

209 чел. – разные сроки, в том

числе исправительные работы

(**38** чел.), условные сроки (**26**).

За разбойные нападения, в том числе с целью завладения продуктовыми карточками, осудили

1942 – **670** чел.

1943 – **177** чел. Наказание:

100 чел. расстреляно.

За хищение имущества эвакуиро-

ванных и военнослужащих осудили

1942 – **1090** чел.

1943 – **48** чел.

За уклонение от трудовой повинности осудили

1942 – **1248** чел.

1943 – **1052** чел. Наказание:

20 чел. – до трех лет заключения;

6 чел. – условно, в основном исправительные работы.

За спекуляцию продуктами питания осуждены

1943 – **152** чел.

– В **1943-м** трибунал приговорил преступников к расстрелу еще в двух случаях – за подделку в течение длительного времени в массовом количестве продовольственных карточек, – добавляет Болдовский. – У арестованных спекулянтов и расхитителей было изъято примерно **16 млн руб.**, на **53 тыс.** руб. золотых монет, на **3,9 млн руб.** облигаций, **96 кг** золота в слитках и изделиях, **1500 штук** бриллиантов, **621 тонна** продовольствия, **49 тыс. метров** мануфактуры и т. д.

За два года за уголовные преступления был осужден **171** член и кандидат в члены ВКП (б).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ

Антисоветские проявления
1941

октябрь – **7704**

ноябрь – **8934**

декабрь – **7084**

1942

январь – **5148**

февраль – **4184**

март – **4984**

апрель – **5547**

май – **5031**

1943

январь – **4136**

февраль – **3527**

– Проявления антисоветских настроений фиксировали, но далеко не всегда арестовывали нарушителей, – объясняет Болдовский. – Категории обвинения были такими: антисоветская агитация, фашистская пропаганда, пораженческие настроения, повстанческие погромные террористические настроения, провокационные слухи и панические настроения. Наибольшее число осужденных – по статьям об антисоветской агитации и пораженческих настроениях. Состав осужденных по ним – примерно одинаковое число рабочих, служащих, интеллигенции. Плюс немного домохозяек и «бывших людей» (бывшие жандармы, священники, помещики и т. д.).

БОЛЕЕ СЕРЬЕЗНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

С 22 июня по апрель **1943-го** было арестовано **1784** чел. (шпионы, диверсанты, вредители, террористы и т. д.). Среди арестованных за контрреволюционные преступления был арестован **341** член и кандидат в члены ВКП (б).

ВЫ ЭТО ЗНАЛИ?

– Еще во время блокады в Ленинграде переименовали площадь Урицкого в Дворцовую, а проспект 25-летия Октября – в Невский проспект, – рассказывает Болдовский. – Многие думают, что это сделал Жданов. Но мы выявили документы, показывающие, что решение принял Сталин, а реализовывал Кузнецов. Жданов же отказался подписывать постановление: как же, убрать революционные названия и вернуть царские... Более того, он настоял на получении письменного согласия вождя. Из-за его опасений переименование случилось в январе 1944-го, хотя могло произойти еще в октябре 1943-го.

– В самую трудную первую блокадную зиму 1941-го для детей организовали новогоднюю елку в театре драмы им. А. С. Пушкина (Александринке), – продолжает Болдовский.

– Несколько дней шло представление, детям выдавали подарки – еду... Когда подарки закончились, представления прекратили. В городе оставалось 1,1 млн детей и иждивенцев. Праздник смогли посетить тысячи мальчишек и девчонок. В Александринку им приходилось идти пешком из разных районов города. Вообще, одно из основных заблуждений о блокаде, что с началом войны жизнь в городе остановилась. Между тем блокадный Ленинград жил.

– За все надо было платить, – говорит Болдовский. – Например, карточки давали право на получение определенных норм продуктов, но эти продукты надо было купить. Да, цена была установлена не очень высокая, но без денег еду по карточкам получить было нельзя. Или, скажем, пребывание в стационаре для ослабленных стоило 7 руб. 70 коп. в день...

Фото в материале: из открытых источников